

Роберт С. Такер

КАКОЕ ВРЕМЯ ПОКАЗЫВАЮТ СЕЙЧАС ЧАСЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ?

Существует множество различий между тем, как события советской истории описываются западной советологией и официальными советскими источниками. Стандартные советские тексты (которые сейчас пересматриваются) повествуют о строительстве "социализма", а затем "развитого социализма" как этапах на пути к достижению полного "коммунизма", представляя это движение в качестве самой сути и драмы советской эры, в то время как западная советология в большинстве случаев трактует то, что возникло при Ленине и Сталине, как "коммунистический тоталитаризм".

Эти противоположные точки зрения, однако, покоятся на одной общей предпосылке — а именно, что Октябрьская революция 1917 г., в ходе которой власть перешла в руки Ленина и его большевистских соратников, знаменовала фундаментальный разрыв с предшествовавшей русской историей, за исключением только лишь истории русских революционных движений, одним из которых был большевизм. Будучи многолетним противником этой концепции, я считаю, что возврат к русскому прошлому имел место как раз после 1917 г., что при Ленине и Сталине на свет появилось нечто вроде неоцаристского порядка, называвшего себя "социализмом", и, следовательно, что нынешние события в Советском Союзе нельзя сколько-нибудь глубоко понять, не принимая в рассмотрение всю историю России.

Если в советской истории имел место возврат к русскому прошлому, это означает, что возродились, хотя и под новыми именами, русские исторические образцы и шаблоны более ранних времен, культурные и институциональные. Такое понимание этих новаций — нелегкая задача для людей, не обладающих глубоким чувством русской истории, как не обладают им многие носители образованности советского типа и многие западные советологи.

Не принимая общепринятой позиции, я вовсе не стремлюсь отмахнуться как от чего-то устаревшего от классических достижений нашей советологии, например, "Как управляется Россия" Мерля Файнсода, "Коммунистическая партия Советского Союза" Леонарда Шапиро и "Политика тоталитаризма" Джона Армстронга. Эти и другие тематически более узкие исследования по советской истории выдержали проверку временем. Более того, лежащая в основе этой истории тоталитарная парадигма не помешала Файнсоду глубоко исследовать царистский период русской истории и в итоге заявить, что и советская версия послеоктябрьской истории является до какой-то степени полезной. Цель разделяемого мной исторического подхода состоит в том, чтобы перейти этот рубеж и двинуться дальше.

Как же вести эту дискуссию? Один из возможных путей — обратиться к идеям нынешних компетентных советских исследователей. Дело в том, что развитие гласности позволило им к середине 1990 г. почти полностью свободно высказываться в печати о связи советского периода с русским прошлым. Поскольку речь идет об их собственной истории и культуре, можно рассчитывать найти, и мы, действительно, находим, немало интересного и ценного в их высказываниях.

Как можно было ожидать, в своих взглядах на этот предмет они отнюдь не едины. Некоторые продолжают настаивать на отсутствии преемственности между советским периодом и предшествовавшей ему русской историей, хотя теперь они трактуют этот разрыв с антисоветских позиций. Так, художник Илья Глазунов утверждает, что между старой Россией,

основанной на православии, самодержавии и народности, и Советским Союзом с его атеизмом, интернационализмом и диктатурой пролетариата лежит "пропасть".¹

Философ Александр Ципко рассматривает советский период как историческую лакуну, пробел в истории. Он полагает самообманом относить российскую современность к XX веку. Быть может, история произвела над этой страной некий эксперимент, заморозив мозги, мысли и чувства людей, вынудив их блуждать по миру как во сне, совершать массу глупостей, убивать друг друга, не останавливаясь ни перед какими зверствами. Отсюда вывод: нынешняя задача России — "вернуться в движение исторического времени".² Сегодня некоторые сограждане Ципко выходят на митинги с плакатами, на которых написано: "Семьдесят лет по дороге в никуда".

Однако среди советских интеллектуалов больше распространена иная точка зрения, что в прошедшие семьдесят лет, наполненные ужасными трагедиями, были пройдены перекрестки дорог, по которым некогда уже двигалась русская история. Для выражения идеи, что история в советское время развивалась в обратном направлении, что коммунистическая партия-государство обусловила возвращение царского по своему типу абсолютизма и централизованного бюрократического этатизма, некоторые советские историки используют термин "феодализм". По словам Александра Яковлева, "социализм в стране действительно не построен. У нас — ведомственный феодализм"³. Редактор "Литературной газеты" Федор Бурлацкий называет советскую систему "фео-дальным социализмом"⁴ и режиссер Марк Захаров говорит о "нашем феодально-патриархальном образе жизни"⁵. А историк Мерцалов пишет о "феодальных традициях" в советской Академии наук, называя полностью бюрократизированное Отделение истории административным эшелонном по делам исторической науки⁶.

По этой версии, возрождение российского наследия началось на самой заре советской власти. Национализация ресурсов страны превратила их в государственную соб-

ственность, что привело к возрождению исторически сложившегося русского этатизма. Насильственное удержание великого множества расположенных по периферии Российской империи территорий, населенных нерусскими нациями, означало фактическое возвращение империи под именем "Союза Советских Социалистических Республик"⁷. Что бы ни говорилось о "советской власти" как детище Октябрьской революции, то, что появилось на свет *на самом деле*, было начавшейся с Ленина новой династией, царствующей под другим названием.

Юрий Феофанов полагает, что "советская власть с первых же дней явила свой самодержавный и абсолютистский характер, но под иными лозунгами... Отвергнув разделение трех властей как «буржуазный принцип», родная наша власть все подмяла под себя"⁸. Феофанов цитирует нового мэра Ленинграда и бывшего профессора Анатолия Собчака, согласно которому "в России в течение всего советского периода истории, как и на протяжении прежних столетий управляли не законы, а люди". Так было, утверждает Феофанов, начиная с Ленина, при Сталине, Хрущеве и Брежневле вплоть до Горбачева. И это верховенство "первых персон" государства над законами и институтами простирается в прошлое через пласты русской истории. Земские соборы XVI и XVII столетий меньше походили на настоящие парламенты, чем на съезды КПСС, так как просто-напросто освящали волю повелителя. Таким образом, перестройку начала отнюдь не партия, даже не ее аппарат, даже не узкая группа прогрессивных партийцев. Ее начал Горбачев⁹.

Объявленной целью перестройки было уничтожение "административно-командной системы", унаследованной от сталинских времен. Писатель Анатолий Ананьев утверждает, что прототип этой системы зародился во второй половине XVI века при "страшном" царе Иване Грозном. "Но что такое административно-командная система, этот бич нашей жизни?" — спрашивает он, и заявляет, что "в основе административно-командной системы лежит такая ситуация, когда народ оказался отчужденным от государства. Начало этому

положил именно Иван Грозный".¹⁰

Яков Гордин обнаруживает в советском строе исторические черты, восходящие ко времени Петра I, к началу XVIII столетия, а также к "железному царю" Николаю I (1825-1855 гг.) Он не разделяет широко распространенного мнения, что 1917 год обозначил сильнейший разрыв в истории; то, что называют советским периодом, было в своих особенностях и в своей сути реставрацией государственных принципов, на которых держалось управление от Петра I до Николая I, принципов, которым пришлось потесниться в период великих реформ и реформ 1905 г.¹¹ Одним из таких принципов было крепостное право. Оно господствовало с XVI-XVII столетий вплоть до реформ 1860-х годов, начавшихся с освобождения крепостных крестьян.

При крепостном праве крестьяне облагались повинностями в пользу землевладельцев — либо в форме отработок (барщина), либо в форме продуктов их труда (оброк). Эта система вновь возникла в результате коллективизации деревни в 1929-1933 гг. Согласно заместителю председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству К. Любченко, "мы вернулись к тому, что было до 1861 г., т.е. к крепостничеству вплоть до такой степени, как приписка крестьян к земле"¹². Специалист по экономике сельского хозяйства академик Владимир Тихонов пишет о "крепостном праве" в советской деревне и описывает нынешних хозяев и защитников этой системы, таких как В. Стародубцев из самозванного Крестьянского союза, как крепостников и царьков.¹³

Подверглась порабощению и культурная жизнь. По словам Юрия Буртина, коллективизированная деревня, в отличие от крепостной деревни, где существовала либо барщина, либо оброк, должна была нести двойное бремя и того и другого; так же и литература должна была проходить через многоуровневую предварительную цензуру и затем еще через карательную цензуру¹⁴. Театральный режиссер Олег Ефремов говорит, что "вслед за ударной волной коллективизации... были произведены более мелкие набеги, нацеленные на полное

и тотальное огосударствление и закрепощение духовной жизни страны... Создавали и создали государство для чиновников. Мы стоим на пороге отмены крепостного театрального права, сложившегося в недрах сталинского режима, в котором театральная система была маленькой, но составной частью общего устройства".¹⁵

Краеугольным камнем царской административно-командной системы, возродившимся под новым именем в советское время, является иерархия высшего чиновничества. В 1722 г. царь Петр I учредил Табель о рангах, установивший иерархию четырнадцати военных и соответствующих им гражданских званий и превратил службу самодержавному государству в столбовую дорожку к получению дворянства. Начав с низшей ступеньки служебной лестницы, офицер или гражданский чиновник мог по достижении установленного уровня получить личное, а затем и наследственное дворянство (для получения наследственного дворянства требовался чин не ниже четвертого класса). Табель о рангах породил аристократию чинов и организовал правящую элиту царизма как корпус одетых в военную форму и вицмундиры обладателей различных служебных званий. Такая же система вновь выстроилась при советской власти под именем номенклатуры — с тем лишь различием, что она охватывала куда большее количество людей и не была столь же общеизвестной, как Табель о рангах в царские времена. Номенклатура представляет собой систему контролируемых партией высших партийных и государственных должностей и назначения на них. В советской печати сообщается, что в 1920-е годы подручные Сталина обращались к дореволюционным архивам. Они изучали хранившиеся там послужные списки в поисках деталей организации номенклатуры, прообразом которой был класс высших чиновников, в период царизма охватывавший четыре первых разряда Табеля о рангах, — назначения на эти должности утверждал лично царь.¹⁶

Кое-кто из иностранцев, живших в Москве, вполне осознавал, как история описала полный круг, и темные послевоенные годы сталинского режима стали напоминать

репрессивные 1830-е и 1840-е годы правления Николая I. Как-то в 1948 г. я отыскал в одном из московских букинистических магазинов старое русское издание книги маркиза де Кюстина "Россия в 1839 г.". Она была выпущена в 1930 г. Обществом политкаторжан, распущенным Сталиным в 1935 г. Кюстин, отнюдь не сторонник Французской революции, в 1839 г. приехал в Россию в качестве, так сказать, монархического попутчика и был любезно принят в замкнутом кругу петербургской придворной знати, подобно тому как другой попутчик Андре Жид был принят в сталинской Москве в конце 1930-х годов. Хотя Кюстин провел в России лишь четыре месяца, состоя под строгим наблюдением, он, как и Жид впоследствии, увидел достаточно, чтобы избавиться от любых иллюзий. В своей книге, написанной в форме писем домой во Францию, он пришел к выводу, что Россия — не цивилизованная монархия, как он считал раньше, а настоящая тирания, рабское государство с поддерживаемым чиновничеством монархическим культом. Российская империя, согласно одному из его типичных высказываний, "это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами", а о царе он писал, что "нет в наши дни на земле человека, который пользовался бы столь же неограниченной властью"; о чинах, что это "военный режим, примененный к обществу в целом"; о способе правления, что это "абсолютная монархия, умеряемая убийством"¹⁷.

В Западной Европе книга выдержала множество изданий, но ее публикация в России была запрещена цензурой. Однако некоторые образованные русские читали ее по-французски, и один из них — диссидент того времени Александр Герцен, назвал ее самой занимательной и умной книгой о России, написанной иностранцем. Русские же высшие слои были возмущены. По тайному соглашению с графом Бенкендорфом, главой Третьего отделения императорской канцелярии, русской секретной полиции того времени, полуофициальный публицист Н.И.Греч написал по-французски для распространения за границей антикюстиновский трактат. Описанная Кюстином николаевская Россия столь

удивительным образом напоминала в некоторых своих чертах тот сталинизм, который мы, иностранцы, наблюдали в 1948 г., что его книга казалась нам "Путешествием по нашему времени", как она была озаглавлена в английском переводе, выполненном женой тогдашнего заместителя руководителя американского представительства в Москве Фоя Колера Филлис Колер и опубликованном в Америке в 1953 г. В предисловии к этому изданию наш посол в Москве в 1946-1949 гг. Уолтер Беделл Смит писал, что он мог бы выбрать из этого путевого журнала множество страниц и, после замены имен и дат столетней давности на современные, послать их в Государственный департамент в качестве своего официального отчета¹⁸.

Советский николаевский период продолжался от последних лет жизни Сталина вплоть до окончания неосталинского брежневского правления. Эти черты прошедших лет проступают в опубликованных в 1990 г. воспоминаниях кинорежиссера Эльдара Рязанова. В 1978 г. он вместе со своим коллегой Григорией Гориним начал делать фильм, которому они дали название "О бедном гусаре замолвите слово". Их целью было с помощью кинематографических намеков рассказать о сталинском терроре, но сделать это в фильме, повествующем о временах Железного Царя, когда облаченные в голубые мундиры жандармы из Третьего отделения шпионили за русским обществом и тиранствовали над ним, делая крайне трудной жизнь даже великого поэта Лермонтова. Советское министерство кино — Госкино — отвергло сценарий картины и обошлось с его авторами в обычной крепостнической манере. Однако министерство телевидения — Гостелерадио, действуя, как это принято у бюрократов, в пику Госкино, решило осуществить этот проект. После этого, пишет Рязанов, начался процесс цензурной полировки, который "ветвистую сосну обрабатывает до превращения в телеграфный столб". Наконец, Рязанову и Горину сказали, что их сценарий уделяет слишком много внимания Третьему отделению и рисует его в чересчур мрачных тонах. По этому поводу Рязанов замечает: "Господи! Думал ли Бенкендорф, что через сто с лишним лет его честь будут защищать коммунист-

ты, руководители советского телевидения! Конечно, забота о Третьем отделении была понятна: руководители «Экрана» до смерти боялись опорочить ведомство, расположенное на площади Дзержинского. Они не понимали, что, ставя знак равенства между Третьим отделением и нынешней госбезопасностью, выдавали себя с головой. В своих мыслях они отождествляли эти две организации и стремились, обеляя николаевскую жандармерию, вступить тем самым за КГБ».

Впоследствии авторы фильма были поставлены перед необходимостью отказаться от сцены, в которой герой перед казнью читает классическое лермонтовское четверостишие:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Большой начальник из Гостелерадио объяснил, что стихов не надо. Во всяком случае, этих. Рязанов прервал его: «Но это же Лермонтов! Это классика! Мы эти стихи в третьем классе проходили». «Ничего не надо, — ответил чиновник. — И сами понимаете, почему». Такой была царистская Советская Россия 1980 г. — страна, где был наложен запрет на лермонтовские строки «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ». Рязанов говорит, что показанная в конечном итоге в те дни кастрированная версия задуманного ими фильма была обвинением «против всего того, на чем держалась и держится российская социальная система. Ибо мы — верные и последовательные наследники всего плохого, что было у царизма»¹⁹.

На смену Николаю I пришел Александр II. Его Великие реформы, начавшиеся от отмены крепостного права, принесли ему титул «царя-освободителя». Этот царь-реформатор тоже был, однако, трагической фигурой. В 1881 г. он был разорван на куски бомбой, брошенной революционными экстремистами из группы, называвшей себя «Народная воля».

Это произошло в день, когда император подписал проект первой русской конституции. Затем последовало реакционное правление Александра III.

Если советский николаевский период продолжался вплоть до начала 1980-х годов, то в 1985 г., с точки зрения многих русских, произошло пришествие царя-освободителя в лице Михаила Горбачева. Ибо не был ли его предшественник, Александр II, тем человеком, который впервые в России объявил в 1861 г. гласность?²⁰

Это проливает свет на такое примечательное явление как кристальный позитивный интерес к царям и царизму, который проявляют сегодня русские. Николая II, казненного вместе с семьей в 1918 г., сейчас многие оплакивают как мученика. Пьеса Мережковского «Павел I», написанная по следам революции 1905 г., собирает в Москве полные залы и возбуждает к этому отнюдь не реформистски настроенному царю определенную симпатию. В новом сезоне в московских театрах объявлены спектакли об Иване Грозном, царе Федоре, Борисе Годунове, Петре I, Екатерине II и Николае II²¹. Опера Глинки, возвращенная к жизни при Сталине под именем «Иван Сусанин», сейчас исполняется в Большом театре под старым названием «Жизнь за царя». Что все это означает? Несомненно, многое. Театральный критик Андрей Караулов, комментируя одну из нынешних постановок на царскую тему, утверждает, что зрителей занимает главным образом параллель с нынешним царем-реформатором — Горбачевым²².

Новый царь-реформатор объявил о необходимости перестройки, глубинной реформации советской политической культуры. Но он не смог осуществить этот план лишь собственными усилиями. Успех в разрушении административно-командной системы и создании на ее месте чего-то нового зависел от способности и готовности общества принять новые способы мышления и действия, равно как и от склонности все еще пользующейся привилегиями и могуществом правящей элиты поощрять эти инновации или хотя бы не сопротивляться им. Поэтому события конца 1980-х

годов допускают, согласно историку Сироткину, сравнение с реформами 1860-1870-х годов царя Александра II. Тогда произошел раскол внутри царской номенклатуры: между ее реформаторами, поддержавшими перестройку Александра II, и выступавшими против нее консерваторами. Нечто подобное произошло и теперь в советской номенклатуре. Консерваторы былых времен возражали против любых разговоров о конституции и парламенте, а нынешние настроены против обсуждения возможности допустить в стране частную собственность.²³

Сейчас, на шестом году второй советской перестройки (первой, как считает другой советский историк, была ленинская Новая Экономическая Политика²⁴) в деревне все еще доминируют "крепостники" и она пока что ждет освобождения от остатков сталинского крепостного права²⁵. Газета "Известия", один из рупоров нынешнего реформизма, вызывает в памяти конец XIX века с помощью громких заголовков вроде "Дать крестьянину землю и волю"²⁶. Писатель Борис Михайлов призывает интеллигенцию "идти в народ"²⁷. Новые западники отбивают атаки новых славянофилов различной окраски. Претендующий на лидерство в славянофильском движении житель штата Вермонт (США) Александр Солженицын в длинном послании, появившемся в советской печати в 26 млн. экземпляров, указывает Матери России, как ей привести в порядок рушащийся дом. Владимир Лакшин публикует в "Известиях" большое интервью с великим русским сатириком прошлого столетия Салтыковым-Щедринным. В этом интервью поставлены многие болезненные проблемы современной советской жизни, а ответы построены исключительно на цитатах из щедринских текстов с критикой порядков царской России.²⁸

Советский неонаристический строй уже почти не функционирует, но на смену ему еще не пришли или только лишь начинают приходить новые работоспособные политические и экономические структуры. Эта ситуация напомнила одному советскому писателю о сделанном более ста лет назад замечании Герцена о России, расставшейся со старой кожей,

но не успевшей обрести новую. Очевидно, что советская эра подходит к концу, но постсоветская культура лишь нарождается. Это подводит к вопросу: какое время показывают сейчас часы заключительного цикла советской истории? Из рассмотренных выше мнений вытекают два ответа, которые на самом деле являются двумя версиями одного и того же утверждения.

Согласно первой версии, Россия сейчас приближается к новому Смутному времени, сравнимому с поразившим Московию в 1598-1613 гг. После смерти Ивана Грозного фактическим правителем при его сыне царе Федоре стал влиятельный придворный Борис Годунов, который был избран на царский трон в 1598 г. За голодом и чумой 1601-1602 гг. последовали смерть Бориса, политические волнения, крушение государственного порядка, череда претендентов на русский престол, гражданская война и польская интервенция. Лишь в 1613 г., после избрания царем Михаила Романова, при новой династии в России восстановился порядок.

По мере усиления экономического и политического хаоса и распада восстановленной в советское время российской империи, современные авторы все чаще описывают новые времена как новую смуту или ее начало. Профессор Ленинградского университета Руслан Скрынников выступил в июле прошлого года в Англии, в Харрогейте, на Всемирном конгрессе по изучению СССР и Восточной Европы с докладом о Смутном времени XVI-XVII веков. При обсуждении доклада он сказал, что аудитория его публичных лекций в Ленинграде, посвященных тому времени, заметно выросла в последнее время. На вопрос о причинах этого он ответил, что у людей появилось "предсмутное чувство".

Вячеслав Костиков идет еще дальше. Он пишет, что в истории России было несколько трудных периодов. Как он предполагает, глубинная причина этого — во всевластии государства, умертвляющего общество, подавляющего гласность и превращающего граждан в рабов, которыми легко управлять. Так было во времена Ивана Грозного. Пришедший

ему на смену разумный правитель в лице Бориса Годунова оказался не в состоянии предотвратить крушение в начале XVII в. Как заключает Костиков, трагедия русской истории лежит в том, что трудные времена наступают после смерти диктаторов — так обстояло дело с Иваном Грозным, то же самое произошло и после Сталина²⁹. Весьма тревожащие выводы, подрагивающиеся в этой статье, были вполне очевидны для советских читателей, когда она появилась на свет в августе 1990 г.

Согласно другому варианту ответа на поставленный выше вопрос, страна сейчас находится в начале XX столетия. Сторонники этой точки зрения указывают на период после Октябрьского манифеста Николая II (1905 г.), когда была создана Государственная Дума в качестве российского парламента и возникли легальные политические партии. Аналогично, и сегодня на свет родился полувыборный парламент — Съезд народных депутатов и его Верховный Совет; нарождаются и небольшие партии — социал-демократов, конституционных демократов, российских демократов, анархо-синдикалистов и монархистов. Но демократические движения прошлых и нынешних времен имеют и другую, зловещую параллель — подъем и тогда, и сейчас антинационалистических, антисемитских движений радикального правого толка. Прежде это был Союз русского народа, получивший поддержку от самого Николая II. Лозунг Союза "Бей жидов, спасай Россию!" нашел исполнителей среди хулиганствующих молодчиков из черных сотен, устраивавших в 1905-1907 гг. еврейские погромы³⁰. В наши дни один из главных факторов, стимулирующих крупномасштабную эмиграцию советских евреев, — угроза погромов со стороны фашиствующего общества "Память", пользующегося поддержкой кое-кого из видных русских литераторов националистической ориентации.

Петр Столыпин, царский премьер-министр, начавший в 1906 г. реформу общинного землевладения и превращения крестьян в фермеров, сегодня стал предметом благожелательного интереса советских сторонников подобной же

реформы, которая позволила бы советским земледельцам расстаться с колхозами и начать хозяйствовать на земле в качестве ее самостоятельных собственников. Советский профессор-правовед рассматривает в этой связи дискуссии, имевшие место на партийном съезде русских марксистов в Стокгольме в 1906 г., и находит их в высшей степени актуальными. Тогда Ленин и Плеханов резко разошлись во мнениях по земельному вопросу. Ленин хотел внести в программу пункт о национализации земли. Плеханов возражал против этого, предупреждая, что национализация приведет к централизации и бюрократизации. Его план состоял в том, чтобы дать крестьянам право собственности на их наделы, а помещичьи имения передать местным властям, которые сдавали бы их крестьянам в аренду. Как считает ныне профессор, прав был Плеханов³¹. — Итак, Ленин выходит из моды.

Второй вариант ответа на наш заключительный вопрос, — что советский период достиг своего 1917 г. Историк Павел Волобуев пишет, что ситуация осени 1990 г. во многих отношениях на удивление похожа на время между февралем и октябрём 1917 г. Сейчас, как и тогда, страна находится в состоянии всеобщего кризиса. Системный кризис тех лет был итогом столетий царского абсолютизма, нынешний порожден еще более жестокой административно-командной системой. Тогда, как и теперь, страна переживала бурную демократизацию, причем во главе и тогда и теперь шли Петроград и Москва. И в те времена, и сегодня достигала пика митинговая демократия со всеми ее жаркими страстями. Тогда, как и сегодня, возникли все разновидности политических партий, политизированные общественные силы резко поляризовались, лишая реформистов (которых сегодня называют "центристами") надежды достичь национального примирения. Тогда некоторые увлекшиеся политикой генералы двигались к корниловскому восстанию, вымостившему дорогу к власти революционным экстремистам, а именно — большевикам; сегодня генералам тоже было бы лучше держаться подальше от политики. До 1917 г. в России никогда так не увлекались всяческими астрологами, чудодеями, пророками и психоцелителями — то же происходит и се-

годня. В те дни к ужасу консервативных сил страна двигалась влево — сегодня та же ситуация, но компартия выступает ныне в качестве главной консервативной силы³².

Нынешнее положение дел наводит философа Николая Михайлова на мысли о послефевральском периоде 1917 г. По его мнению, Февральская революция и приход к власти Временного правительства были перестройкой того времени или началом таковой. Проблема в том, способна ли послефевральская демократическая коалиция (иначе говоря, нынешние левые силы) сохранить популярность, смогут ли новые правящие структуры избежать повторения ошибок Временного правительства, и насколько реален сегодня или завтра неокорниловский военный переворот, т.е. можно ли избежать нового Октября? Михайлов поясняет, что октябрьский переворот стал платой за оппортунизм родоначальников февральской "перестройки", за их непоследовательность, за шатания справа налево и, наоборот, за боязнь радикальных реформ и действий³³.

Согласно этой схеме, режим Горбачева — это Временное правительство наших дней, перестройка — курс на эволюционное демократическое развитие страны. Опасность состоит в том, что нынешнее Временное правительство повторит своего предшественника и тоже не сумеет твердо и последовательно проводить линию на радикальные системные перемены. В соответствии с этим ходом мысли, стране угрожает либо военный путч типа корниловского заговора 1917 г., либо новый Октябрь, иначе говоря — новый захват власти сегодняшними большевиками.

Но кто они, эти нынешние большевики? Это ультрарадикалы и экстремисты, возбужденные и нетерпимые люди, готовые биться за людское счастье до последнего человека. Их "генетический большевизм" проявляется в форме фанатичного антибольшевизма³⁴. Другой автор считает, что эти "генетические большевики" представлены в экстремистском Демократическом союзе. Печатный орган этой организации "Свободное слово" называет сегодняшних либералов и центристов "политическими проститутками". Это взято из ар-

сенала ненавидевшего либералов ультралевого большевика Ульянова-Ленина³⁵.

Как я уже отметил, два предложенных ответа на наш заключительный вопрос в действительности сводятся к одному. Революционный период начала века с такими его аксессуарами как свержение династии Романовых, распад империи, внутренний коллапс, беспорядки, гражданская война и иностранная интервенция, был новым Смутным временем. Но на Западе мало кто интерпретировал так тот период. Мы находились под влиянием, возможно чрезмерным, книги Крейна Бринтона "Анатомия революции", которая вышла в свет в 1938 г. Бринтон рассматривал Россию XX века как Англию XVII столетия и Америку с Францией — XVIII — в качестве парадигмально современной и, следовательно, модернизирующейся страны. Русские, пережившие революционные годы, придерживаются иного мнения — для них это было еще одним крушением России, еще одной сменой династии, еще одной смутой. Именно в этом духе высказывался в 1918 г. П.Б.Струве, и то же самое писал в своих дневниках 1917-1922 гг. Юрий Готье. Характерно, что Теренс Эммонс, издатель английского перевода дневников Готье, озаглавил их "Time of Troubles" — "Смутное время"³⁶. Американец Ларс Ли в своей новаторской книге "Хлеб и власть в России, 1914-1921 гг." признает за таким пониманием революционных лет парадигматическую значимость.

Если мы видим в революции второе Смутное время России, и, следовательно, в укреплении советского режима усматриваем возникновение новой династии (большевиков), то не приходится удивляться, что на наших глазах стал разворачиваться новый цикл русской истории и что сейчас стране угрожает новая смута. Такое прочтение советской истории имеет два преимущества с научной точки зрения. Продемонстрировав возникновение нового царизма там, где раньше видели, в какой-то степени иллюзорно, эпоху модернизации посредством урбанизации и промышленного развития, это прочтение может сделать нынешний системный коллапс более удобопонимаемым. Система, сейчас поч-

ти прекратившая функционирование, это система по преимуществу *архаичная*. Такой подход помогает осознать причины устойчивости не упраздненного еще полностью прежнего порядка. Дело в том, что система, которую мы беспечно называем коммунизмом, укоренена в России на протяжении столетий, и поэтому выкорчевать ее нелегко.

Из этого вытекает следующий вопрос: сможет ли Россия вырваться из этого цикла административно-командных систем и смутных времен? Наши современники в России, мыслящие исторически, тоже задают себе этот вопрос. Один из них отмечает, что если взглянуть пристальней, то будет очевидно, что все русские и советские перестройки всегда приходили только сверху, и потому с равной легкостью отменялись новым начальством. Встает главный вопрос: почему? Почему они никогда не приходили снизу, спрашивает автор, в любой другой форме, кроме как в качестве всеразрушающего урагана?²⁷

Здесь приходят на ум слова Виктора Ерофеева: "Может ли быть так, что эта шестая часть света имеет свои особые связи со временем и общественным развитием, так что в итоге застой и несчастья оказываются постоянным элементом не только режимов Брежнева и Николая I, но и всей русской национальной истории, движущейся по кругу? Если это так, то какое историческое болото, в конце концов, заглоти перестройку и все связанные с нею надежды? И как сможем мы разорвать этот дьявольский круг?"²⁸

Я не могу дать на это иного ответа, кроме того, что для достижения такого результата потребуются много времени и усилий, немало везения, а также, возможно, существенная помощь со стороны Соединенных Штатов, страны, которая предоставила России помощь по ленд-лизу во время Второй мировой войны и которая имеет не меньше причин желать ей преодолеть нынешние времена испытаний и прийти к победе демократии, чем в прошлом она желала для России военной победы.

Если фортуна улыбнется, нынешний монарх-реформист войдет в историю как основатель президентского правления. Нынешнее Временное правительство прекратит колебания и начнет поиски системных перемен для стабилизации ситуации в стране. Нынешняя Дума выстоит. Затем начнется переход к правовому государству, и ведомство Бенкендорфа станет нормальной разведывательной службой. На смену имперской структуре придет структура сообщества наций или конфедерация. Либералы займут лидирующее положение в будущем многопартийном политическом устройстве, в котором партия, долгое время известная как большевистская, станет меньшевистской в обоих смыслах этого слова. Русские генералы станут уважать верховенство гражданских властей. Земледельцы, если они того пожелают, станут собственниками обрабатываемой ими земли, а стародубцевы уйдут в отставку. В стране возникнет разгосударствленная экономика, а следовательно и какое-то пусть поначалу минимальное благосостояние народа. В условиях свободы расцветет русская культура. Правительство России будет сотрудничать с другими странами на основе международного права для сохранения порядка в мире, в котором мы живем где еще можно остановить действие демографических, технологических, экономических и культурных факторов, угрожающих человечеству всеобщей катастрофой.

Но вдруг судьба нахмурится? Что ж, из истории мы очень хорошо знаем, что это будет означать: повторение старого цикла после еще одной полномасштабной русской смуты, следствием которой будет гражданская война. Когда Руслана Скрынникова спросили в Харрогейте, считает ли он такой исход вероятным, он сказал только "Не дай Бог!". Я полностью присоединяюсь к этим словам.

Примечания

- 1 И. Глазунов. Кто любит Россию - меня поймет. "Советская культура", 14 июня 1990.
- 2 А. Ципко. Необходимо потрясение мысли. - "Московские новости", 1 июля 1990.
- 3 А. Яковлев. Для меня это последний съезд. "Московские новости", 15 июля 1990.
- 4 Ф. Бурлацкий. К современной цивилизации. - "Литературная газета", 5 сентября 1990.
- 5 М. Захаров. Сумбурные заметки к полученной информации. - "Литературная газета", 15 августа 1990.
- 6 А. Мерцалов. Станет ли наше прошлое предсказуемым? - "Известия", 21 августа 1990.
- 7 А. Стреляный. Песни западных славян. - "Литературная газета", 8 августа 1990.
- 8 Ю. Феофанов. Фикция третьей власти. - "Московские новости", 2 сентября 1990.
- 9 Ю. Феофанов. Принципы и лица. - "Огонек", № 29, июль 1990, стр. 4-5.
- 10 А. Ананьев. Доказательство аксиомы. - "Советская культура", 30 июня 1990 г.
- 11 Я. Гордин. Что позади? - "Литературная газета", 26 сентября 1990.
- 12 К. Любченко. Безработные законы. - "Известия", 7 июля 1990.
- 13 В. Тихонов. Голод и урожай. - "Московские новости", 26 августа 1990.

- 14 Ю. Буртин. Мертвое и живое. - "Литературная газета", 22 августа 1990.
- 15 О. Ефремов. Перед отменой крепостного права. - "Московские новости", 17 июня 1990.
- 16 В. Сироткин. Номенклатура в историческом разрезе. - "Через тернии", Москва, 1990, стр. 292-334; В. Сироткин. Номенклатура. - "Неделя", 21-27 мая 1990.
- 17 Маркиз де Кюстин, Николаевская Россия. М., 1930, стр. 72, 133, 163.
- 18 Journey For Our Time: The Journals of the Marquis de Custine, перевод и редакция Филлис Колер, предисловие У.Б. Смит, Portland, Oregon, 1953, p. 13.
- 19 Е. Рязанов. Как раз на жизнь свобода опоздала. - "Огонек", № 36, сентябрь 1990, стр. 22-25.
- 20 Ю. Королев. Грани нашего кризиса. - "Московские новости", 8 июля 1990.
- 21 В. Любимов. Императорский театр. - "Литературная газета", 13 июня 1990.
- 22 А. Караулов, цитируется в докладе Синтии Уайтзекер "The Reforming Tsar", прочитанном на четвертом Всемирном Конгрессе по изучению СССР и Восточной Европы, Харрогейт, Англия, июль 1990.
- 23 В. Сироткин. Номенклатура в историческом разрезе, стр. 321.
- 24 В. Волжский. Двоевластие? - "Неделя", 23-29 июля 1990.
- 25 Ю. Черниченко. Слово, которого я не просил. - "Известия", 7 июля 1990.

- 26 Г. Быстров. Дать крестьянину землю и волю. - "Известия", 8 сентября 1990.
- 27 В. Михайлов. Надеюсь на интеллигенцию. - "Книжное обозрение", 6 июля 1990.
- 28 В. Лакшин. Не мешать житы - "Известия", 11 августа 1990.
- 29 В. Костиков. Власть мертвая и власть живая. - "Советская культура", 11 августа 1990.
- 30 В. Сироткин. Мрак погромов. - "Неделя", № 40, 1990.
- 31 Г. Быстров. Цит. соч.
- 32 П. Волобуев. Страна левеет, а партия? - "Советская культура", 8 сентября 1990.
- 33 Н. Михайлов. Высокое напряжение. - "Известия", 8 сентября 1990.
- 34 А. Улюкаев. Приглашаю к промедлению. - "Московские новости", 26 августа 1990.
- 35 Л. Сараскина. Каинова печать революции. - "Век XX и мир", № 7, 1990, стр. 25.
- 36 "Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e", перевод и редакция Теренса Эммонса, Принстон, 1988.
- 37 А. Сабов. Обморок от свободы: три революции без нас. - "Литературная газета", 28 сентября 1990.
- 38 V. Erofeev, "Neither Salvation nor Sausage", *New York Review of Books*, June 14, 1990.